

Он отступил на шаг и серьезно сказал:

— Это действительно недоразумение. Я не силен в поэзии и совершенно не понял скрытого смысла в стихах, слагаемых кузеном. Я похвалил их лишь из вежливости. Если это ввело кузена в заблуждение, я забираю свои слова назад.

— Но... но ведь потом, когда мы вместе гуляли у озера и любовались пейзажем, тебе явно было весело! — широко распахнул глаза Ли Хайюнь.

— Я лишь притворялся любезным, опасаясь, что если плохо тебя приму, матушка разгневется, — видя это, Ань Чанцин решил больше не церемониться и высказал всё напрямую. — В детстве мне приходилось несладко в доме отца, а ты был родным племянником главной жены и почетным гостем. Я просто не смел отказывать ни в чем, о чем бы ты ни попросил. Приходилось во всем тебе уступать и делать вид, будто мне это в радость. На самом деле я ничего не смыслю в поэзии, да и в науках не преуспел — мне лишь нравится читать всякие незамысловатые книги.

Ли Хайюнь ошеломленно разинул рот и уставился на него в полном изумлении.

Ань Чанцин продолжал:

— Что же касается моей свадьбы с Бэйчжань-ваном, то я согласился на неё добровольно. Сейчас я живу очень хорошо, у нас с князем лад и гармония. Если ты и дальше будешь молотить здесь всякую чушь, то по возвращении князь наверняка разгневется.

Ли Хайюнь скривил губы и вдруг, опустившись на корточки и обхватив голову руками, громко зарыдал:

— Но... но как же всё то, что было раньше...

Не дав ему договорить, Ань Чанцин быстренько перебил:

— А всё то, что было раньше, — лишь твои собственные фантазии.

«И ко мне это не имеет никакого отношения», — мысленно добавил он.

Глаза и нос Ли Хайюня покраснели, он всхлипывал и выглядел безутешным:

— Я понял, не надо больше ничего говорить... Это я сам всё себе придумал, у-у-у...

Видя, что взрослый мужчина, пусть даже и пьяный, развел здесь такие сопли, Ань Чанцин счел это зрелище довольно постыдным и захотел поскорее уйти. С другой стороны, он опасался, что если уйдет, Сяо Чжигэ по возвращении не найдет его и станет волноваться. В душе он с досадой высказал Сяо Чжигэ всё, что о нем думает: куда только запропастился этот человек и почему до сих пор не вернулся?

Прохожие вокруг уже начали показывать пальцами, и Ань Чанцину совсем не хотелось иметь ничего общего с этим кузеном. Он стал оглядываться по сторонам, высматривая Сяо Чжигэ. И тут в толпе за своей спиной он заметил знакомую высокую фигуру: мужчина стоял там не шелохнувшись и не издавая ни звука, точно глиняный истукан. Бог весть, сколько он уже там простоял.

Ань Чанцин, нахмурившись, подошел к нему. Сяо Чжигэ спохватился и хотел было скрыться, но

было уже поздно. Он лишь бессознательно спрятал фонарь за спину и тяжело посмотрел на него.

— Куда ты ходил? — Ань Чанцин взял его за руку и почувствовал, какая она ледяная. — Из-за тебя из меня тут полдня делали посмешище, — забормотал он с обидой.

Говоря это, он подвел его к Ли Хайюню и произнес, обращаясь к стенающему кузену:

— Старые недоразумения кузену лучше забыть и не распускать о них слухи. У нас с князем всё прекрасно, ясно?

Под конец его голос стал совсем холодным, в нем даже проскальзывали угрожающие нотки. Ли Хайюнь, переживший за этот вечер удар за ударом, плохо соображал и лишь заторможенно отозвался:

— Ох... — Затем, шмыгнув носом, добавил: — Кузен, не извопь беспокоиться, я... я не стану болтать лишнего.

Лишь после этого Ань Чанцин, удовлетворенный ответом, повел Сяо Чжигэ прочь.

Ли Хайюнь остался стоять в унынии один. Потянув рукав, он утер слезы и поднялся, намереваясь разыскать Ань Чаньюя, чтобы тот снова составил ему компанию и выпил с ним еще пару чарок. Однако, отправившись на поиски, он нигде не обнаружил Ань Чаньюя.

Стоя в тени, Ли Хайюнь почувствовал укол ночного прохладного ветерка. Вспомнив ледяной, свирепый взгляд Бэйчжань-вана, он резко вздрогнул, и туман в его хмельной голове мгновенно рассеялся.

Он вспомнил подстрекательские речи, которые Ань Чаньюй шептал ему на ухо, вспомнил его слова «Я постою на стрёме», и его спину тут же прошиб холодный пот. Ли Хайюнь не был дураком и быстро понял, к чему стремился Ань Чаньюй. Если бы у кузена Чанцина действительно не было к нему никаких чувств и всё это не оказалось бы недоразумением, то сегодня... сегодня им обоим вряд ли удалось бы избежать плачевной участи!

Почувствовав, как внутри всё стынет от ужаса, Ли Хайюнь бросил кручиниться и, взмахнув рукавами, широкими шагами устремился к башне «Вансянь».

\*\*\*

Ань Чанцин завел Сяо Чжигэ в безлюдный переулок и лишь тогда обернулся, чтобы рассмотреть его. Сяо Чжигэ всю дорогу хранил странное молчание, хотя еще недавно вел себя совсем иначе. Вслед за этим Ань Чанцин заметил, что обувь и полы его одежды вымокли, а на земле за ним тянулись влажные следы. Сдвинув брови и видя, что Сяо Чжигэ упорно держит руки за спиной, он попытался заглянуть ему за спину:

— Что ты там прячешь?

Сяо Чжигэ поджал губы и молчал. Ань Чанцин обошел его и увидел, что тот крепко держит в руке знакомый фонарь «Карп, играющий с лотосом».

Ань Чанцин обомлел:

— Этот фонарь... — и тут же, сообразив, с досадой воскликнул: — Зачем ты его выловил?!

Теперь же желание не исполнится!

Сяо Чжигэ сжал губы, не зная, с чего начать и о чем спросить.

Едва он поверил, что Ань Чанцин искренне намерен жить с ним душа в душу, как случайно застал его за выяснением отношений с Ли Хайюнем. Едва он подумал, что Ань Чанцин так и не смог забыть прежнюю любовь, как тот подвел его к Ли Хайюню, высказал тому кучу невнятных вещей и заявил, что у них всё прекрасно.

Буря эмоций сменялась опустошением, а теперь, когда его поймали с поличным, Сяо Чжигэ мог только застыть с окаменевшим лицом, не произнося ни слова.

Вот только Ань Чанцин был уже не тем трепетавшим перед ним робким сыном от наложницы. Он прищурился и строго спросил:

— Ты сказал, что у тебя дела, только ради того, чтобы выловить фонарь? Ты ведь наверняка еще и тайком прочитал записку внутри?

Сяо Чжигэ: «...»

Помомолчав мгновение, Сяо Чжигэ все же кивнул:

— Я... — выдохнув одно слово, он не знал, как продолжить, и лишь произнес: — ...Я хотел посмотреть.

Ань Чанцин: «...»

Он долго размышлял, но так и не смог понять, зачем Сяо Чжигэ выкинул подобное. Ему оставалось лишь с досадой выдохнуть:

— Если хотел посмотреть, разве нельзя было спросить меня?

Сяо Чжигэ опустил взгляд. Человек перед ним, похоже, ужасно переживал из-за того, что выловленный фонарь потеряет свою волшебную силу, и надулся от обиды. Сяо Чжигэ пожалел о содеянном: вспомнив о желании, доверенном фонарю, он подумал — а вдруг оно и правда не сбудется...

Качнув головой, он отогнал эти мысли и хрипло спросил:

— Если бы я спросил, ты бы ответил?

— Разумеется, — Ань Чанцин посмотрел на него со странным выражением. — Я ведь не делал ничего предосудительного, почему я должен скрывать? — А затем, не выдержав, уколол его: — Вот о чем точно не стоит говорить, так это о том, как господин князь тайком вылавливает из воды фонари!

Лицо Сяо Чжигэ на мгновение застыло, а кончики ушей заалели. Но, вспомнив сцену, свидетелем которой стал, он всё же не удержался и спросил:

— У тебя с Ли Хайюнем... всё кончено, так ведь?

— Что? — Ань Чанцин от этого вопроса окончательно растерялся. Переведя дух, он с возмущением выпалил: — А когда у меня с ним вообще что-то было?! Ладно Ли Хайюнь строит иллюзии, но ты-то куда лезешь?!

Только тут Сяо Чжигэ осознал, что здесь что-то не так, и недоверчиво спросил:

— Разве вы не...

Ань Чанцин с мрачным видом прервал его:

— Нас с Ли Хайюнем ничто не связывает. Прекрати уже связывать меня с ним. До этого я вообще ни в кого не был влюблен!

Сяо Чжигэ всё еще не мог поверить. Помедлив, он уточняюще спросил:

— Но тот нефритовый кулон, что он тебе подарил... ты ведь постоянно носил его с собой...

— Какой кулон?

— Нефритовый кулон «Двойная рыба», который ты подарил мне.

На этот раз лицо Ань Чанцина потемнело окончательно, он процедил сквозь зубы буквально по слову:

— Это подарок матушки на мой день рождения! Какое отношение он имеет к Ли Хайюню?!

Сяо Чжигэ наконец осознал, насколько чудовищным оказалось недоразумение, и с окаменевшим лицом не знал, как оправиться и что сказать.

Ань Чанцин тем временем уставился на его поясницу, где было совершенно пусто:

— То-то я смотрю, ты его ни разу не надевал! Значит, ты решил, будто эта вещь принадлежит Ли Хайюню?! Где кулон? Ты что, выбросил его?! Отдай мне назад! — вскипел Ань Чанцин.

— Нет, — видя его гнев, Сяо Чжигэ поспешно объяснил: — Не выбросил, я оставил его в кабинете.

Услышав, что кулон цел, Ань Чанцин немного сменил гнев на милость, но всё еще широко распахнутыми глазами впился в него взглядом:

— Тогда выкладывай, что всё это значит? Откуда ты вообще наслушался сплетен обо мне и Ли Хайюне?

Сяо Чжигэ под его взглядом почувствовал неловкость и стыд, а потому ему ничего не оставалось, кроме как выставить виновника этих бед в качестве громоотвода:

— Это Чан Цзайчан сказал.

Генерал Хуайхуа Чан Цзайчан, как и он сам, входил в число двенадцати генералов и служил под началом великого генерала Чжуго Сяхоу Шана. К тому же Яньчжоу и Лянчжоу находились по соседству и поддерживали взаимную оборону, поэтому они поддерживали весьма дружеские отношения. Когда Чан Цзайчан еще находился в Ецзине, Сяо Чжигэ попросил его присмотреть за резиденцией канцлера: если Ань Чанцину с матерью придется совсем тяжело, оказать им тайную помощь. Чан Цзайчан не весть откуда прознал, что Сяо Чжигэ равнодушен к Ань Чанцину, и с тех пор то и дело подбивал его забрать юношу к себе.

Что же касается слухов об Ань Чанцине и Ли Хайюне, их, разумеется, тоже донес до него Чан Цзайчан.

<http://bllate.org/book/18381/1767675>